

III. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В. Н. Барышников, А. Х. Даудов

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (XVIII – XXI вв.)

Изучение истории стран Северной Европы традиционно было связано с научной деятельностью определенных исследовательских центров России. Это было во многом вызвано рядом обстоятельств, которые на протяжении многих столетий откровенно переплетали историю нашей страны с историей скандинавского региона, исследованием войн на северо-западе Европы, а также рассмотрением в научно-исследовательском плане т.н. «балтийского вопроса». Дело в том, что, начиная с возникновения Древнерусского государства, связи нашей страны со Скандинавией являлись очень тесными. Они выражались в самых разнообразных формах, включая экономическое, политическое и культурное сотрудничество. Также регулярно на Севере Европы вспыхивали войны, в которых неизменно принимала участие Россия. Можно даже сказать, что наша страна ни с кем столько раз в своей истории не воевала на Западе, как со Швецией, а в XX-м веке Советский Союз ни с кем столько не воевал, как с Финляндией. На протяжении первой половины XX-го века наша страна трижды заключала с Финляндией мирные договоры. Естественно, что подобные обстоятельства не могли не привлекать внимание исследователей.

При этом следует заметить, что интерес к истории стран Северной Европы в научных кругах России стал формироваться уже в XVIII–XIX веках, причем обычно тогда исследователи ограничивались либо рассмотрением самой ранней истории взаимоотношений Древнерусского государства со Скандинавией, либо изучением войн и международных отношений на севере Европы. Как по этому поводу заметил известный

скандинавист, профессор Г. А. Некрасов: «В дооктябрьский период создавались преимущественно конкретно-исторические исследования по балтийскому вопросу, русско-шведским и отчасти русско-датским связям». Историк далее к тому же подчеркнул, что «внутренняя история Скандинавских стран изучалась недостаточно»¹. Причем обычно в отечественной научной литературе не акцентировалось внимание на принадлежность того или иного ученого-скандинависта к соответствующему российскому исследовательскому центру. Исключение составляли лишь попытки определенных историографов указывать на объективно сложившуюся в 1960–1980-е гг. научно-исследовательскую школу изучения истории Финляндии в Республике Карелия². Также в последующий период наметились еще тенденции превращения еще Архангельска в центр по изучению истории Норвегии. Это стало особенно заметно после проведения в начале XXI-го века здесь XIV-й и XV-й **всероссийских конференций** по изучению Скандинавских стран и Финляндии. С другой стороны, существует даже некое представление, что, скажем, «дореволюционная историография по истории Швеции не сформировала каких-либо особых “школ” или крупных научных направлений; у нее не сложились прочные традиции подобно тем, которые существовали в Петербурге в области скандинавской филологии и языкознания»³.

Тем не менее, здесь явно незаслуженно замалчивалось то, что в России именно петербургская историческая школа все же стала той основой, при которой закладывалось научное осмысление истории скандинавских стран и Финляндии. В исследовательской литературе можно лишь вскользь встретить констатацию данного явления. Так, известный ученый профессор А. С. Кан заметил, что именно в Санкт-Петербурге «вплоть до Второй мировой войны сосредоточивались скандинавские студии»⁴. Другой же крупнейший отечественный скандинавист ленинградец И. П. Шаскольский прямо указал на то, что «во второй половине 1800-х гг. и начале 1900-х гг., почти все исследования истории российско-финских отношений были написаны и изданы в Санкт-Петербурге»⁵.

Но эти утверждения все же требуют развернутых пояснений. Действительно, в начале, прежде всего, именно в Петербурге стали появляться исследования, которые в той или иной степени затрагивали историю стран Северной Европы. Первым всплеском явного интереса к истории Скандинавии стало активное обсуждение в первой половине XVIII-го века в стенах Санкт-Петербургской Академии наук проблем генезиса

российской государственности. Немецкие историки, работавшие тогда в Петербурге (Г. З. Байер и А. Л. Шлёцер), выдвинули версию «норманнского следа» в истоках зарождения Древнерусского государства в эпоху раннего средневековья. У этой версии, как известно, появились тогда противники (М. В. Ломоносов), что, несомненно, придало возникшей дискуссии серьезную научную составляющую, а сами споры и отношение к «норманнской версии» условий возникновения российской государственности далеко перешагнули XVIII в. и затронули в концептуальном плане практически всех историков раннего русского средневековья вплоть до наших дней.

В результате развития данной дискуссии начал расти и интерес к истории соседних с Россией скандинавских государств. Причем тогда уже в Петербурге стали переводить и издавать первые конкретные исследования по истории стран Северной Европы, опубликованные до этого за рубежом. В частности, во второй половине XVIII в. был издан сокращенный перевод «Истории Дании» Л. Хольберга⁶ и «Истории Шведского государства» О. Далина.⁷

Но, с другой стороны, интерес к истории скандинавских государств в России стал также проявляться вследствие необходимости анализа наиболее острых событий, сопутствовавших развитию истории взаимоотношений России со странами Северной Европы. В частности, в Петербурге уже в XVIII в. появились первые работы по истории русско-шведских войн. В этом отношении, несомненно, представляет интерес составленная тогда «Гистория Свейской войны», которая была посвящена рассмотрению хода Великой Северной войны.

Но систематическое изучение истории скандинавских стран и Финляндии в Санкт-Петербурге, тем не менее, началось уже непосредственно лишь в середине и во второй половине XIX в. Причем, продолжая заложенную ранее традицию, тогда в центре внимания исследователей оставались, главным образом, военные сюжеты, причем, прежде всего, русско-шведские войны XVIII–XIX вв. Авторами этих работ являлись известные военные историки или участники самих этих событий из числа российских военачальников. В частности, тогда увидели свет книги генерал-лейтенанта русской армии, члена Российской АН А. И. Михайловского-Данилевского, а также члена Государственного Совета, почетного члена Императорской Военной академии генерала П. К. Сухтелена⁸.

Данные работы, фактически, заложили основу к дальнейшему изучению событий последней русско-шведской войны. Следующий же серьез-

ный шаг здесь был сделан уже в начале XX-го века, когда был подготовлен к изданию военным историком, полковником П. А. Ниве сборник переведенных на русский язык документов военно-исторического отдела шведского генерального штаба, посвященных событиям 1808-1809 гг.⁹ Это позволяло уже на двухсторонней основе взглянуть на события последней войны, произошедшей между Россией и Швецией. Неслучайно поэтому затем в 1910 г. П. А. Ниве издал свою весьма фундаментальную работу, раскрывающую ход боевых действий в тот период¹⁰. В результате в исследовании русско-шведской войны 1808–1809 гг. был достигнут несомненный успех, который в последующем отечественными исследователям превзойти пока не удалось.

Также во второй половине XIX в. были предприняты попытки исследования и более ранних русско-шведских войн, XVIII-го века. Любопытным при этом стало то, что к этому непростому тогда делу впервые начали привлекаться женщины. Так жена военного историка генерал-лейтенанта М. И. Иванина, Наталья Сергеевна Шпилевская, изучив шведский язык и шведскую литературу, впервые познакомила русскую публику с малоизвестными событиями русско-шведской войны 1741–1743 гг.¹¹. Кроме того, работавший некоторое время в качестве приват-доцента в Санкт-Петербургском университете А. Г. Брикнер подготовил исследование о последней русско-шведской войне в XVIII-м веке¹².

В то же время продолжалось научное осмысление, может быть, одной из самых популярных исследовательских тем по истории XVIII-го века, связанной с изучением событий Великой Северной войны. Именно тогда началась активная разработка отдельной, но до этого мало исследованной, т.н. «финской составляющей» хода боевых действий данного периода. В результате, благодаря творчеству основателя Русского военно-исторического общества генералу А. З. Мышлаевскому, стало возможным вывести этот достаточно слабо изученный ранее вопрос на научный уровень. При этом Мышлаевский, так же как и Ниве, вначале сумел создать весьма ценную подборку документов, раскрывающих ход боевых действий в 1708—1714 гг. «на Ингерманландском и Финляндском театрах»¹³, а затем издал и достаточно интересную в научном плане книгу о непосредственных боевых действиях на территории Финляндии в ходе Северной войны¹⁴.

Тем не менее, наряду с военно-историческими вопросами, которые стали активно подниматься в то время исследователями Петербурга, ко второй половине XIX в. все решительнее столичные ученые нача-

ли касаться внешнеполитических аспектов, затрагивающих проблему положения Северной Европы в системе межгосударственных отношений предшествующих эпох. В частности, в 1868 г. член Императорского Русского исторического общества, директор Государственного архива в Петербурге К. К. Злобин подготовил работу о дипломатических отношениях России и Швеции в период правления Александра I. Исследователь довел свое изыскание до момента присоединения Финляндии к России¹⁵. Эта работа явилась практически первой отечественной научной разработкой сюжетов, связанных с дипломатической борьбой на Балтике начала XIX в. Однако, как впоследствии было отмечено, книга К. К. Злобина была не лишена недостатков, поскольку, по мнению петрозаводского историка И. И. Кяйвярайнена, «автор этого сочинения впадает в упрощенчество, когда бездоказательно возлагает всю ответственность за возникновение войны на одну Швецию»¹⁶.

Но, в целом, изучение истории международных отношений на Балтике уже пробивало себе тогда дорогу. Объективно самым признанным и одним из основных историков, который серьезно затронул вопросы международной истории стран Северной Европы, стал финляндец по происхождению, профессор Г. В. Форстен. Он являлся выпускником Санкт-Петербургского Императорского университета, где в 1885 г. защитил магистерскую диссертацию «Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI веках». Эта работа, фактически, оказалась первым в России глубоко научным исследованием, отражающим историю международных отношений стран Балтийского региона. Как затем отмечалось, в ней отсутствовало проявление любых форм «провинциализма или национализма». Развивая же исследуемую тему, Г. В. Форстен продолжил свою научную работу и в итоге в марте 1894 г. в Петербургском университете защитил двухтомную докторскую диссертацию: «Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях»¹⁷. Работа оказалась уникальным историческим исследованием. Она была основана на колоссальном привлечении зарубежных архивных источников. Несомненно, что именно стараниями Г. В. Форстера в нашей стране была заложена база отечественной скандинавистики, а петербургская историческая школа стала одним из важных научных центров по изучению истории стран Северной Европы. К тому же в Санкт-Петербурге у Форстена появились ученики и последователи. Уже в 1894 г. университет закончил М. А. Полиевктов, который затем в 1907 г. издал монографию – «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.)»¹⁸. Он также стал профессором

Петербургского университета. В то же время, с 1907 по 1909 гг., в Императорском Санкт-Петербургском Археологическом институте учился еще один в будущем известный исследователь т.н. «балтийского вопроса» XVII в. Г. А. Замятин.

Одновременно, на рубеже веков, в Петербурге начали еще издаваться книги по религиозным аспектам истории Швеции и Дании¹⁹, а также по социально-экономическим проблемам в истории Скандинавии²⁰. Все это уже свидетельствовало об изменении определенных акцентов в изучении стран Северной Европы. Более того, в 1907 г. был опубликован краткий перевод новой книги по истории Дании²¹. Все это в целом указывало на расширение в России научных представлений о Скандинавии и об ее истории.

Однако менее изученной оставалась история Финляндии. О ней писалось только в плоскости рассмотрения проблем европейской дипломатии и решения т.н. «балтийского вопроса». Это не создавало более или менее стройного представления о конкретной финской истории, поскольку популярные в XIX в. исторические сюжеты, как отмечали впоследствии отечественные скандинависты, могли лишь достаточно неполно затрагивать весьма важные для истории этого государства вопросы²².

В этом отношении представляют определенный интерес первые работы, в которых непосредственно касались вопросов собственно истории финского народа. По имеющимся тогда научным представлениям в 1877 г. была издана книга – «О древней культуре западных финнов по данным их языка» выпускника Санкт-Петербургского университета, известного русского филолога, действительного члена Петербургской Академии наук Л. Н. Майкова²³. Выход в свет этого произведения уже явно свидетельствовал о возрастающем внимании к истории Финляндии, которое теперь стало пробуждаться в академических кругах Петербурга. Это было тем более показательно, поскольку до этого соседняя с Российской империей страна рисовалась лишь преимущественно только как «убогий и дикий край».

Однако сам начавшийся процесс исторического осмысления прошлого приобрел в России в большей степени публицистический или околонаучный характер. Причем это тогда относилось не только к работам, посвященным Финляндии и ее истории. Подобный подход был характерен и для сочинений, касающихся Скандинавии в целом. В частности, в тот период появились работы в будущем достаточно известных литераторов – выпускницы Смольного института благородных девиц Е. Н. Водо-

возовой и выпускницы историко-филологического факультета Высших женских курсов в Петербурге Т. А. Богданович²⁴. В 1897 г. в Петербурге вышла также еще целая брошюра, названная достаточно выразительно – «Скандинавы». Она была подготовлена писателем и школьным учителем Ф. Ф. Пуцыковичем, который в свое время тоже закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета²⁵.

Выход данных работ во многом можно объяснить тем, что в тот период скандинавские страны в глазах петербургской общественности становились достаточно любопытными и даже, может быть, интересными в научно-популярном плане государствами. Как отметил профессор А. С. Кан, тогда в России «былое пренебрежение сменилось где-то в 90-х годах XIX века восхищением; увлекались самыми разными достижениями шведов и датчан, будь то в сфере молочного хозяйства, семеноводства и лесоводства, в сфере лечебной гимнастики, ручного труда в школе» и т.д.²⁶. В результате в Петербурге стали обильно издаваться брошюры российских деятелей науки и культуры, в которых предпринималась попытка передать читателю впечатления от знакомства со Скандинавией в тот момент, когда российские туристы стали часто посещать эти страны²⁷. Все это говорило о том, что интерес к скандинавским странам у общественности России, очевидно, стремительно вырос. Что же касается научно-исторических представлений, то они, пока еще оставались на достаточно низком исследовательском уровне.

Ярким примером тому может служить изучение в данном случае истории Норвегии. Еще в 1837 г. в Журнале Министерства внутренних дел была опубликована первая, в общем-то, научная статья – «Три древние договора руссов с норвежцами и шведами». Эта работа принадлежала перу будущего академика П. Г. Буткова²⁸, который ранее некоторое время являлся чиновником по особым поручениям при финляндском генерал-губернаторе. Именно это назначение, а также служба в Совете Министерства внутренних дел, возможно, подвигли его к изучению сюжетов истории взаимоотношений стран Северной Европы и России. Сама же подготовленная им статья, тем не менее, долгое время являлась единственным произведением, в котором лишь в определенной степени затрагивалась история Норвегии.

Однако ситуация начала меняться. Внимание к истории норвежского государства в России резко усилилось, когда в 1905 г. эта страна отделилась от Швеции и провозгласила свою независимость. Причем, очевидно,

что в тот период, сама проблема, связанная с обретением ею независимости, несомненно, начала вызывать растущий интерес у российской общественности. Журнал «Исторический вестник» писал, что «маленькая Норвегия» вызвала «всесветный восторг своим чудным единодушием в решительную минуту борьбы за независимость»²⁹. В целом, на рубеже XIX—XX вв. о Норвегии появилось довольно большое количество научно-популярной литературы. Она затрагивала преимущественно этнографические и географические аспекты, нося в большинстве своем сугубо описательный характер³⁰.

Одновременно стал проявляться и интерес к вопросам, которые в большей степени были связаны с исторической наукой. В данном отношении, несомненно, серьезное внимание заслуживает книга - «Поездки скандинавов в Белое море». Эта работа была подготовлена и издана филологом-скандинавистом, преподававшим в Санкт-Петербургском университете, профессором К. Ф. Тиандером³¹. В книге автор постарался разобраться в древних скандинавских эпических произведениях – сагах, раскрывающих наиболее раннюю историю Норвегии, а также Исландии. Тиандер, таким образом, сделал значительный шаг в научном раскрытии практически мало исследованной до этого в России темы, связанной с эпохой викингов. Его произведение, которое было опубликовано «по постановлению Историко-Филологического Факультета» университета, свидетельствовало об уже явном нарастании в академических кругах Петербурга интереса к ранней скандинавской истории.

Относительно же освещения произошедшего в тот период разрыва в 1905 г. шведско-норвежской унии, то это событие в России оценивалось по-разному. В условиях нарастания в Норвегии движения за отделение от Швеции там пытались дать этому соответствующую, прежде всего, политическую характеристику. Причем международный аспект выступал тогда как один из наиболее важных с точки зрения рассмотрения происходивших событий. Свидетельством тому было большое количество статей, которые стали появляться преимущественно о Норвегии в журнале «Известия Министерства иностранных дел». Вообще обретение Норвегией независимости было воспринято в России позитивно, но по большей части здесь все же обращались лишь к описательной стороне этого вопроса.

Тем не менее, на рубеже XIX – XX-го вв. в Петербурге наряду с явно повышенным интересом к Скандинавии больше внимания стали также уделять и Финляндии. Причем во многом данное явление было тоже

продиктовано политическими обстоятельствами, но связано оно было с совершенно противоположным поводом. Дело в том, что именно тогда в Петербурге перешли в наступление на финляндскую автономию, пытаясь ограничить возможные тенденции к отделению Финляндии от России. Как заметил петрозаводский исследователь И. И. Кяйвяряйнен, «во второй половине 80-х годов царизм начинает производить полную переоценку ценностей по отношению к этой окраине»³². В результате, теперь для российских властей требовалась уже организация идеологического обоснования начавшейся тогда т.н. «русификации». Как следствие этого, об истории и современном политическом положении Финляндии было издано в Петербурге небывалое до этого количество работ³³.

Тем не менее, несмотря на явно возникшую сугубо идеологического характера политическую востребованность в публикациях по «финляндскому вопросу», научная составляющая этих исследований тоже очевидно стала укрепляться. В этом плане яркими и достаточно обстоятельными явились книги ряда авторов, работающих в Петербурге. Прежде всего, весьма интересным представляется книга царского сановника К. Ф. Ордина, в которой он непосредственно коснулся российско-шведско-финляндских отношений. Его сочинения неоднозначно были восприняты в определенных кругах России. Труд К. Ф. Ордина, по мнению публициста и историка Б. Б. Глинского, например, был, «гнусной книгой, враждебной к любому проявлению вольнодумства, любой свежей мысли»³⁴.

Подобное отношение к данной работе, очевидно, было вызвано в большей степени также политическими соображениями ряда представителей российской общественности. Но К. Ф. Ордин тоже давал для этого соответствующий повод, поскольку его нельзя было считать в строгом смысле историком-профессионалом. В Санкт-Петербургском университете он получил сугубо естественно-научное образование. К тому же, после окончания университета К. Ф. Ордин поступил на государственную службу и дослужился до чина гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а также тайного советника состоявшего при министре внутренних дел. Тем не менее, интерес к истории привел его к тому, что в 1889 г. им все же было издано двухтомное сочинение «Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам»³⁵.

Значение самого этого произведения, прежде всего, заключалось в том, что здесь впервые в отечественной историографии предпринималась попытка представить российскому читателю объемную историю россий-

ско-шведско-финляндских отношений. Как тогда вполне справедливо заметил сам автор: «Политические отношения России и Финляндии, бесспорно, принадлежат к числу тех предметов, о которых мы русские имеем весьма неопределенное представление»³⁶.

Другим же обстоятельством, которое явно подтолкнуло К. Ф. Ордина к началу исследования указанной темы, было очевидно то, что он смог познакомиться с рядом издававшихся ранее работ, касающихся российско-скандинавских отношений и написанных финскими и шведскими авторами³⁷. Содержание этих книг явно не соответствовало представлениям Ордина. Как он отметил: «...Образовалась уже по этому предмету на шведском и других иностранных языках целая литература, которая с примерным единодушием приводит понятия ее вырабатываемая и укореняет их в общем сознании не только у себя дома, но и за границей и даже у нас»³⁸. Конкретно, у него вызвала отторжение мысль, активно пропагандировавшаяся тогда в финских и шведских исследовательских кругах, о том, что присоединение Финляндии к России явилось условием, при котором Великое княжество начало формироваться в качестве «независимого государства», поскольку «сумело отвратить от отечества (Финляндии) опасность владычества, основанного на победах». В результате, как заметил Ордин, в подобного характера литературе, появилось представление, что Финляндия превратилось уже в «особое государство», где отношения с Россией начали формироваться по принципу унии двух равноправных стран³⁹. Это, собственно, и заставило автора начать свое исследование. В итоге появилось двухтомное сочинение, где вначале автор сосредоточился на раскрытии русско-шведско-финских отношений, начиная с раннего средневековья и заканчивая войной 1808–1809 гг. Второй том его произведения целиком посвящался условиям присоединения Финляндии к России, которое явилось результатом поражения Швеции в войне, «отдавшей Финляндию окончательно в собственность России»⁴⁰.

С момента издания книг К. Ф. Ордина задача раскрытия истории Финляндии и российско-шведско-финских отношений в отечественной историографии стала четко решаться с позиций «освещения финляндских дел с русской точки зрения». Это подтвердила целая серия монографий, написанных в начале XX-го в. русским историком М. М. Бородиным. Владение шведским и финским языками позволило Бородину помимо российских источников использовать обширную документальную, исследовательскую и мемуарную литературу, опубликованную в

Северной Европе. Научная же плодовитость автора не могла не вызвать восхищения. Он сумел создать за крайне ограниченный срок – семь лет (1908–1915 гг.) весьма объемную, семитомную (!!!), историю Финляндии⁴¹. Неслучайно поэтому в марте 1913 г. М. М. Бородкин был избран действительным членом Русского исторического общества. Кроме того, он также являлся пожизненным членом Императорского русского военно-исторического общества.

Любопытным в данном случае является вывод, который автор делал в первом томе своего произведения, относящегося к истории Северной войны. М. М. Бородкин особо отмечает мысль, что нищая и разоренная в годы Северной войны Финляндия России была в целом не нужна, а сам ее захват, прежде всего, был вызван военно-стратегическими замыслами царя и связан только с необходимостью продолжения войны. Это утверждение являлась достаточно важным, поскольку к этому времени за рубежом уже четко сложилось представление о том, что Россия традиционно мечтала даже не столько о захвате финской территории, а продолжала и вплоть до начала XX в. еще угрожать Швеции, да и Норвегии.

В целом, можно говорить, что в дореволюционной русской историографии уже явно обозначились определенные приоритеты в изучении истории скандинавских стран и Финляндии, а петербургская историческая школа скандинавистов, фактически, заложила основы для формирования мощного российского центра по изучению истории стран Северной Европы.

Однако, как справедливо заметил профессор А. С. Кан, итоги революции 1917 г., а затем и гражданской войны привели работу по историческому исследованию скандинавских стран «к практическому исчезновению... в Советской России-СССР»⁴².

Объективно в то время начала происходить серьезная смена не только поколений исследователей, но и отношения к скандинавистике как науке. Теперь на первый план стали уже выходить работы, в которых, прежде всего, обращалось внимание на социально-классовые и экономические сюжеты развития стран Северной Европы. Преемственность могла наблюдаться в 20–30-е гг. лишь в том, что как, в свое время, основатель российской скандинавистики Г. В. Форстен, так и новые авторы, работавшие в Петрограде/Ленинграде, представляли собой исследователей, переехавших в Россию из Финляндии. Это были политические эмигранты, т.н. «красные финны», которых теперь, прежде всего, интересовали проблемы революции, а вслед за ней предполагались еще исследования

касающиеся вопросов современной социально-классовой борьбы. При этом в Ленинграде в большей степени тогда стали заниматься в научном плане лишь ранней историей Северной Европы⁴³, а также скандинавскими и финно-угорскими языками. Тем не менее, важнейшее значение тогда сохранили «ленинградские библиотеки – в то время главное в СССР хранилище скандинавских и финских печатных первоисточников»⁴⁴.

Действительно, в течение XVIII-го и особенно XIX–нач. XX-го вв. Санкт-Петербургские архивы и библиотеки приобрели значительное количество скандинавских архивных материалов и печатной продукции. В частности, Российская Национальная библиотека и Библиотека Академии наук в XIX-м – нач. XX-го вв. получали по одному обязательному экземпляру любой печатной продукции изданной, скажем, в Финляндии. Опираясь на эту фундаментальную исследовательскую базу, можно было продолжить научно-изыскательскую работу по изучению истории стран Северной Европы. В этом отношении в Ленинграде, таким образом, сохранились хорошие перспективы для дальнейшей плодотворной деятельности историков-скандинавистов, существовали эти перспективы в Ленинградском государственном университете. После многочисленных реорганизаций в сентябре 1934 г. в университете был образован исторический факультет, где стали работать известные ученые. В результате появилась возможность формирования нового поколения историков, которые занимались изучением стран Северной Европы.

Так в 1935–1940 гг. учеником работавшего на факультете крупнейшего историка Нового времени Е. В. Тарле, написавшего в свое время книгу по истории Северной войны⁴⁵, стал будущий известный скандинавист Г. А. Некрасов⁴⁶. Также с 1936 г. на историческом факультете ЛГУ начал учиться в будущем крупнейший исследователь истории стран Северной Европы И. П. Шаскольский⁴⁷. Уже в 1940 г. им были опубликованы первые печатные работы, посвященные данным историческим сюжетам, а в 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию, относящуюся к ранней истории Северной Европы – «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг. XIII века». Далее же, фактически, продолжая дело Г. В. Форстена, он явно начал уделять наибольшее внимание т.н. «балтийскому вопросу», что выразилось в том, что в 1965 г. И. П. Шаскольский защитил докторскую диссертацию – «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством в первой половине XVII в.».

И хотя сфера интересов И. П. Шаскольского находилась в плоскости исследования проблем, связанных с ранней историей, небольшое количе-

ство его работ все же затрагивало вопросы русско-шведских отношений XVII–XVIII вв., где также еще просматривалась и финская история⁴⁸. Тем не менее, как заметил известный отечественный историк-скандинавист, профессор Санкт-Петербургского университета В. Е. Возгрин, «работы И. П. Шаскольского создали ему широкую известность в научных кругах СССР и за рубежом⁴⁹. Более того, за годы научной деятельности И. П. Шаскольский сумел создать целую школу ленинградских скандинавистов, которые непосредственно изучали определенные проблемы, связанные с историей Нового времени скандинавских стран и Финляндии⁵⁰. В частности, ученики И. П. Шаскольского, выпускники ЛГУ, подготовили целый ряд кандидатских и докторских диссертаций по истории Северной войны. Так он был научным руководителем Ю. Н. Беспярых, который в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию («Россия и Финляндия во время Северной войны 1700–1721 гг.»), а в 1990 г. докторскую – «Западноевропейские источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм)», В. Е. Возгрин, который в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию («Русско-датские отношения в 1697–1714 гг.»), а в 1989 г. докторскую – «Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.)» и П. А. Кротова, который в 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию («Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII века»), а в 1999 г. докторскую – «Российский флот на Балтике при Петре Великом». Эти работы выгодно отличались обширным использованием шведских источников и научной литературы, что позволяло говорить о сохраняющихся тенденциях петербургско-ленинградского стиля скандинавведения. Неслучайно профессор А. С. Кан характеризовал И. П. Шаскольского не иначе, как – «беспорный глава ленинградских историков-скандинавистов»⁵¹.

Тем не менее, хотя И. П. Шаскольский и читал лекции на историческом и филологическом факультетах ЛГУ, главный центр изучения истории стран Северной Европы в то время сместился на базу Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР – там, где непосредственно работал этой крупнейший скандинавист. Именно здесь объединялись исследователи, занимающиеся изучением истории стран Северной Европы. В результате начали уже возвращаться определенные утраченные ранее позиции Ленинграду, как одному из основных центров отечественной скандинавистики.

Более того, ленинградские скандинависты стали играть важную роль в формировании новых центров по исследованию истории стран Северной Европы. Так еще после окончания Великой Отечественной войны И. П. Шаскольский временно в 1949–1953 гг. работал в Петрозаводске. Именно это, как представляется, во многом как раз и способствовало становлению в Карелии научной школы по изучению, прежде всего, истории Финляндии. К тому же многие будущие ведущие пертрозаводские специалисты по финской истории, такие как И. И. Кяйвяряйнен, М. Н. Власова и др. свои диссертационные работы защищали именно в Ленинграде⁵². Здесь же они осуществляли и свою научно-исследовательскую работу, изучая соответствующие фонды ленинградских архивов⁵³. К этому также следует добавить, что и переезд из Ленинграда в Москву в 1946 г. Г. А. Некрасова⁵⁴, несомненно, тоже сыграл важную роль в начале складывания научного центра по изучению скандинавских стран и Финляндии непосредственно в столице СССР.

Таким образом, историки Ленинграда сыграли важную роль в становлении и организации советской скандинавистики, а Москва и Перозаводск, наряду с Ленинградом, превратились в важные центры по изучению истории стран Северной Европы⁵⁵. В результате, ленинградские скандинависты, группирующиеся, прежде всего, вокруг ЛОИИ, активно поддержали начавшееся в конце 1950-х–1960-е гг. укрепление отечественной школы по изучению истории стран Северной Европы, явились одним из главных стержней в развитии отечественного изучения истории Скандинавии и Финляндии. Неслучайно поэтому они оказались наиболее активными организаторами и участниками первых регулярных все-союзных научных конференций по изучению вопросов экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии⁵⁶, а также традиционных двухсторонних советско-финляндских и советско-шведских научных конференций и симпозиумов, посвященных истории, археологии и экономике этих стран.

Кроме того, также явно расширился круг лиц, кто непосредственно занимался историей стран Северной Европы. В частности, уже в 1960–1980-е гг. проблемам, связанным с революционной и социально-экономической историей этих стран, стали активно заниматься и публиковать первые свои работы такие известные ленинградские исследователи, как д.э.н. И. М. Бобович и д.и.н. М. М. Коронен⁵⁷. Отдельное направление в исследовании истории Финляндии открыл д.и.н. Н. И. Барышни-

ков, который впервые в Советском Союзе начал с 1960-х гг. исследовать вопросы, связанные с участием Финляндии во Второй мировой войне. В общей сложности, им было по данной проблеме подготовлено около 200 научных работ, в том числе и ряд крупных монографий⁵⁸, некоторые из которых были изданы непосредственно в Финляндии.

В результате, заложенные в 1960–1980-е гг. основы для изучения истории скандинавских стран и Финляндии в Ленинграде позволили создать непосредственные условия для возрождения в Петербурге нового научного центра по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. С 1998 г. в городе стали проводиться ежегодные международные конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы», материалы которых затем издавались в соответствующих сборниках⁵⁹. Кроме того в Петербурге с 1997 г. регулярно раз в два года стали проводиться «Скандинавские чтения», материалы которых затем становились основой к изданию достаточно объемных сборников, в которых затрагивались, прежде всего, этнографические и культурно-исторические аспекты развития стран Северной Европы. Также на основе материалов ряда российско-шведских научных конференций в 1998 г. был еще издан сборник «Шведы на берегах Невы», где постарались, как отмечено во введении к этому изданию, открыть «забытые или вовсе неизвестные страницы политической, военной и промышленной истории», которая раскрывает вопросы «научных и культурных связей Петербурга со Швецией»⁶⁰. С начала XXI века стали также активно проводиться конференции в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала». На них традиционно начали рассматривать исключительно вопросы, связанные с российско-финляндскими отношениями. Благодаря этому в 2006 г. в издательстве СПбГУ был даже издан сборник материалов трех первых этих конференций. В этом сборнике, названном «От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг.», авторы постарались раскрыть свое видение сложных вопросов советско-финляндских отношений накануне и в годы Второй мировой войны⁶¹.

Показательным также является то, что во всех этих научных мероприятиях весьма активное участие принимали сотрудники кафедры истории Нового и новейшего времени СПбГУ. Кафедра в 2000-е гг. начала решительно возрождать исторические традиции, заложенные в ее стенах еще Г. В. Форстенем. На Историческом факультете СПбГУ приступили к серьезной организации и проведению своих собственных научных

конференций, посвященных истории стран Северной Европы, превращая университет в важный научный центр по изучению истории Финляндии⁶².

Несомненно, этому также способствовало то, что на кафедре истории Нового и новейшего времени стали проходить специальные семинарские занятия по истории скандинавских стран и Финляндии, а также подготовлен полнокровный курс лекций по истории стран Северной Европы. Кроме того, также студентам исторического факультета стали предлагаться курсы лекций, посвященные истории Балтийского региона и истории северных империй Нового времени, а на филологическом факультете начали читаться курсы по истории Финляндии и истории скандинавских стран. Также для студентов кафедры истории Нового и новейшего времени регулярно организуются семестровые специальные лекционные курсы, касающиеся самых разных аспектов истории стран Северной Европы XVII–XX вв. Все это в комплексе позволяет в достаточной степени освоить историю скандинавских стран и Финляндии в Новое и новейшее время и создать уже прочную основу для продолжения изучения истории Североευропейского региона петербургскими исследователями.

¹*Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. XIII. Таллинн, 1968. С. 12.

²См.: *Сукияйнен И. И.* Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии // Скандинавский сборник. VIII. Таллинн, 1964; *Такала И. М.* Преподавание и изучение истории стран Северной Европы в Петрозаводском государственном университете // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 6. М., 2007 и т.д.

³*Некрасов Г. А.* Русская дореволюционная, прибалтийская и советская историография // История Швеции. М., 1974. С. 27.

⁴*Кан А. С.* Историк Г. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 4.

⁵*Šaskolski I. P.* Suomen historian tutkimus Leningradissa // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 2. S. 114.

⁶История Датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский. СПб., 1765–1766. Ч. 1–2.

⁷*Далин О.* Истории Шведского государства. Ч. I–IV. СПб., 1807.

⁸*Михайловский-Данилевский.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841; *Сухтелен П. К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швециею в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832.

⁹Военно-исторический отдел Шведского генерального штаба. Шведская война 1808—1809 гг. Ч. 1–3. СПб., 1909.

- ¹⁰Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910.
- ¹¹Штилевская Н. С. Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859.
- ¹²Брикнер А. Г. Война России со Швецией в 1788–1790 гг. СПб., 1869.
- ¹³Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. (Документы гос. архива). СПб., 1893.
- ¹⁴Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб., 1896.
- ¹⁵Злобин К. К. Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб., 1868.
- ¹⁶Кяйвярйinen И. И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. Петрозаводск, 1965. С. 11.
- ¹⁷Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1, 2. СПб., 1893–1894.
- ¹⁸Полиевктов М. А. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.). СПб., 1907.
- ¹⁹Дементьев Г. Введение реформации в Швеции. СПб., 1892; Дементьев Г. А. Введение реформации в Дании. СПб., 1900.
- ²⁰Берендтс Э. Н. Государственное хозяйство Швеции. Ч. 1–2. СПб., 1890, 1892; Брикнер А. Г. Медные деньги в России 1656–1663 и денежные знаки в Швеции 1716–1719. СПб., 1864.
- ²¹Геделунд Л. Н. История Дании. СПб.; М., 1907.
- ²²См.: Кан А. С. Историк Г. Форстен и наука его времени... С. 51.
- ²³Майков Л. Н. О древней культуре западных финнов по данным их языка. По соч. д-ра Августа Алквиста: **Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen.** (Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры). СПб., 1877.
- ²⁴Водозова Е. Н. Жизнь европейских народов. Т. 2. Жители Севера. СПб., 1889; Богданович Т. А. Страна, правительство и народ Швеции. СПб., 1906.
- ²⁵Пуцькович Ф. Ф. Скандинавы. СПб., 1997.
- ²⁶Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 297.
- ²⁷Грот Я. К. Записка о путешествии в Швецию и Норвегию. СПб., 1874; Контев А. Путевые заметки по Швеции и Норвегии в 1892 г. СПб., 1893; [Краевский Д.] Беглые заметки туриста о Швеции и Норвегии. СПб., 1891 и др.
- ²⁸Бутков П. Три древние договора русов с норвежцами и шведами // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Кн. 2.
- ²⁹Исторический вестник. 1908. № 7.
- ³⁰Гебель Г. Ф. К вопросу о колонизации Лапландии. СПб., 1909; Крюков Н. А. Норвегия. Сельское хозяйство в Норвегии в связи с общим развитием страны. СПб., 1899; Кулакова-Горт Е. Я. Норвегия. СПб., 1909 и др.
- ³¹Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- ³²Кяйвярйinen И. И. Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году... С. 11.

³³Головин. Листки из настоящего и прошлого Финляндии. СПб., 1891; Финляндия. – СПб., 1898; *Сергеевский Н. Д.* К вопросу о коренных законах в.к. Финляндского. СПб., 1899; *Головинский М. В., Ядрышев Н. К.* История финского народа. СПб., 1901; *Бородкин М.* Финляндия в русской печати. Материалы для библиографии. СПб., 1902; *Бородкин М. М.* Финляндский вопрос. СПб., 1905; *Лялина М. А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908; *Бородкин М. М.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911; *Тризна Д. С.* Финляндия за 100 лет в составе России (1809—1909). СПб., 1911 и др.

³⁴Исторический вестник. 1890, апр. (Цит. по: *Кяйвяряйнен И. И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году... С. 11).

³⁵*Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам... Т. I–II. СПб., 1889.

³⁶*Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам... Т. I. С. VII.

³⁷См.: Там же. С. 459–460.

³⁸Там же. С. VII.

³⁹Там же. С. VII–VIII.

⁴⁰Там же. С. X.

⁴¹*Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб., 1909; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908; *Бородкин М. М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобринкова. СПб., 1905.

⁴²*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003. С. 6.

⁴³См.: *Рыдзевская Е.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978 /посмертное издание/.

⁴⁴*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги... С. 7.

⁴⁵*Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

⁴⁶См.: Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. М., 2005. С. 319.

⁴⁷*Возгрин В. Е.* Предисловие // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 5.

⁴⁸Полный перечень работ И. П. Шаскольского см.: *Шаскольский И. П.* Экономические отношения России и шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 296–316.

⁴⁹*Возгрин В. Е.* Предисловие... С. 7.

⁵⁰См.: Исторические связи Скандинавии и России: IX–XX вв. Л., 1970; *Возгрин В. Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986; *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996 и др.

⁵¹*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги... С. 9.

⁵²*Saskolski I. P.* Suomen historian tutkimus Leningradissa... S. 121.

⁵³*Сукияйнен И. И.* Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии. С. 401, 402, 404.

⁵⁴Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. С. 319.

⁵⁵*Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР... С. 14.

⁵⁶Там же. С. 13–14.

⁵⁷*Бобович И. М.* Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968; *Коронен М. М.* Советско-финляндские отношения – пример мирного сосуществования. Л., 1960; *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; *Коронен М. М.* В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1983; *Коронен М. М.* В. И. Ленин и финляндский путь «Искрь». Л., 1981.

⁵⁸*Барышников Н. И.* На защите Ленинграда: Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы второй мировой войны. Л., 1978; Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.-Хельсинки, 2002; *Барышников Н. И.* Маннергейм без ретуши 1940–1941 гг. СПб.-Хельсинки, 2004; *Барышников Н. И.* Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007; *Барышников Н. И.* Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010 и др.

⁵⁹См.: Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2001–2011; <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

⁶⁰Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 5.

⁶¹От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб., 2006.

⁶²См., например: Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Сб. материалов коллференции «Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского)». СПб., 2007;